

УДК 809.156

ФОРМУЛЫ-ОБЕРЕГИ КАК ОСОБЫЙ ТИП УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ**Моргоева Л.Б.***ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВШЦ РАН и Правительства РСО-А», Владикавказ, e-mail: soigsi@mail.ru*

Устойчивый фразеологический фонд языка составляет едва ли не самый привлекательный, с точки зрения стилистики и семантики, когнитивный пласт всей языковой системы. В нем познавательная составляющая единиц обрамлена экспрессивными смыслами, регулирующими прагматическую направленность всего высказывания. В системе устойчивых единиц особое место занимают выражения с оградительной семантикой, в которых соотношение экспрессивного и когнитивного серьезно отличается от единиц остальных групп и жанровых форм всей фразеосистемы. Исключительность оградительных формул заключается в их прагматической направленности и безусловном этнокультурном содержании, сформировавшихся на протяжении многих лет. Многовековые представления о мироздании и ценностные категории, отраженные практически во всех речевых формулах, сохраняют свое ритуальное функционирование в речи и при современном речевом употреблении, что дает основание считать их актами ритуальной вербальности.

Ключевые слова: фразеология, паремнология, речевые формулы, прагматика, семантика**PROTECTION FORMULAS AS A SPECIAL TYPE OF SET EXPRESSIONS****Morgoeva L.B.***Federal State Budget Institution V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, e-mail: soigsi@mail.ru*

Conventional phraseological fund (*phrase-fund*) of the language is perhaps the most attractive cognitive stratum of the whole language system in terms of stylistics and semantics. The cognitive component of the units in it is framed with expressive meanings governing the pragmatic orientation of the whole utterance. In the system of stable units (*collocations*), a special place is occupied by the phrases with protection semantics, in which the ratio of the expressive and the cognitive seriously differs from other groups and genre forms of the whole phraseological system. The exclusiveness of protection formulas is confined in their pragmatic orientation and unconditional ethnocultural content that has evolved over the years. The centuries-old ideas about the universe and the value categories reflected in almost all speech formulas retain their ritual functioning in speech when they are used in the modern speech as well, which allows considering them as the acts of ritual verballity.

Keywords: phraseology, paremiology, speech formulas, pragmatics, semantics

Богатейший фонд устойчивых выражений и фольклорных речений сохранил огромное количество рече-языковых знаков, происхождение и существование которых находится в тесной взаимосвязи с бытом и повседневным укладом осетина, что, в свою очередь, выстраивается с учетом морально-нравственных норм, формируемых с опорой на миропонимание и мировоззрение народа. В этой связи значительная часть устойчивых выражений требует определенных фоновых знаний для их правильного понимания и полного проникновения в суть смыслового содержания.

Целью данного исследования является выявление прагматических особенностей речевых формул, используемых в качестве вербальных оберегов, и определение их языкового статуса.

С опорой на материалы текстов словарных статей, паремнологических сборников и отдельных исследований, посвященных данной проблематике, рассмотрены практически все устойчивые единицы осетинского и русского языков с интересующей нас

прагматической направленностью в условиях их практического применения.

Методами сравнения и сопоставительного анализа определяются основные функционально-семантические и прагматические особенности употребления данных формул, подтверждающие их особый статус в составе устойчивых выражений.

Роль фоновых знаний чрезвычайно велика в трактовке и понимании устойчивого выражения, однако не для всех типов ФФ (фразеологических формул) они необходимы для восприятия и воздействия. Вместе с тем отсутствие этих знаний может привести к искажению или изменению первоначального установочного эмоционального содержания и экспрессивного посыла. Знания отправителя, мотивирующие использование и передачу именно этого выражения или формулы и отсутствие этих или подобных знаний у воспринимающей стороны может привести к искаженному восприятию или отсутствию восприятия как такового вовсе, а значит, может привести к контекстной асемантизации.

Допустим и другой вариант, при котором, несмотря на отсутствие фоновых знаний, не происходит какой бы то ни было асемантизации, и выражение воспринимается исключительно как эмоционально-оценочное. Однако такое возможно только в том случае, когда выражение, помимо объективно-мотивированного компонента, имеет еще и наслоение экспрессивных категорий. В таком случае формула используется как междометное выражение и передает исключительно эмоциональное состояние коммуниканта, а внутренняя семантика выражения остается нераскрытой.

В большинстве же случаев мы сталкиваемся с оптимальным вариантом, при котором присутствуют некоторые фоновые знания и определенная степень экспрессивности, что позволяет избежать искажений значения выражения или асемантизации и в то же время реализовать первоначально установленные прагматические задачи.

В системе устойчивых выражений особое место занимает класс формул, выполняющих оградительную функцию. Основной целью произнесения таких формул является ограждение говорящего (т.е. самого себя или себя вместе с близкими) от напастей, бед и невзгод, и вообще того негатива, который может исходить от информанта или самой информации на ментальном и подсознательном уровне.

Прагматика рассматриваемых формул резко отличается от остальных типов устойчивых выражений. Главной отличительной их чертой является целеустановочная мотивация, продиктованная подсознательной потребностью обеспечить защиту от внешнего ментального воздействия.

В известной степени формулы-обереги можно отнести к перформативам и иллокутивам, поскольку они могут расцениваться как «выражения, которые не столько описывают действие, сколько являются самим действием. Это по определению привязывает их, с прагматической точки зрения к ситуации общения: совершение поступка невозможно вне данной ситуации» [1].

К сожалению, в самостоятельную группу данные выражения не вычлняются ни в лингвистике, ни в фольклоре и не подвергаются специальной лингвостилистической обработке. Включаются они наряду с другими устойчивыми единицами языка в разрозненном виде в некоторые словари-справочники по фразеологии и сборники пословиц и поговорок. Функционально-стилистические описания выражений указанного типа крайне скудны и не отражают того интереса, который они могут представлять как для исследователя, так и для простого носителя языка.

Между тем данные формулы, несмотря на немногочисленный состав, чрезвычайно востребованы в повседневной разговорной речи и художественных текстах.

В наиболее активном употреблении находятся выражения *Хуыцау, де уазæг, даæ фæдзæхст!* «Господи, спаси и сохрани!», «Упаси и помилуй!»; *Ныххатыр кæн, Хуыцау!* «Господи, помилуй!»; *Хуыцау бахизæд!, Хуыцау ма зæгъæд!* – «Боже, упаси!», «Не приведи Господь!», «Упаси Бог!», «Избави Бог!», «Оборони Бог!», «Пронеси, Господи!»; и другие формулы с апелляцией к Богу, заимствованные большей частью из религиозных текстов. По ряду причин изначальная семантика приведенных формул отошла на второй план, что привело к частичной утрате исходной функциональной нагрузки и перехода их в разряд междометных выражений, преимущественно контекстуального характера.

В словарных статьях данные формулы объясняются как выражения со значением предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо [2] преимущественно междометного характера, или как выражения-обереги с тем же значением [5]. В свою очередь мы склоняемся к тому, что эти и другие выражения следует рассматривать с позиции их исходной функциональной семантики как самостоятельную группу устойчивых выражений с особой функциональной нагрузкой, при которой междометный характер все же остается исключительно контекстуальным.

Сомнения вызывают, на наш взгляд, и стилистические пометы, сопровождающие приведенные выражения во фразеологических словарях, которые характеризуют эти формулы как устаревшие формы просторечного или областного употребления преимущественно в речи старых женщин. Ошибочность такого понимания заключается главным образом в том, что в действительности рассматриваемая группа речевых формул активно используется в повседневной речевой практике вне зависимости от возраста и социального статуса и имеет собственную функциональную нагрузку. Примечательно, что в осетинском языке данная группа речевых формул в меньшей степени подверглась асемантизации в пользу междометного употребления: практически во всех формулах рассматриваемой группы доминирует изначальная функциональная семантика ограждения.

С точки зрения стилистических приемов, рассматриваемый тип формул не столь богат и разнообразен, однако исключительность подобных выражений состоит именно в наличии и сохранении особых прагмати-

ческих целей, отражающих этнокультурные воззрения народа.

Помимо ранее приведенных формул, которые, к слову сказать, включены во многие фразеологические словари, где они представлены как междометные выражения, существуют и менее распространенные формулы, с глубокими этнокультурными смыслами. Эти формулы-обереги, как правило, имеют свою, строго закрепленную, сферу употребления и конкретную речевую ситуацию.

Строгая мотивированность и идиоматичность рассматриваемых выражений не допускает особых изменений и трансформаций внутри самой формулы. Это продиктовано самим функциональным назначением формулы, которая призвана в первую очередь ограждать.

Объектами ограждения, как правило, выступают сам говорящий, собеседник, оба коммуниканта (говорящий и собеседник), коммуниканты вместе с группой третьих лиц. Под третьими лицами обычно подразумеваются или напрямую называются дети и ближайшие родственники, приближенные или просто присутствующие при диалоге.

Культурные представления народа формируют поверья, обычаи, нравы, и именно они оказываются определяющим фактором формирования круга возможных опасностей, в числе которых недобрые пожелания или проклятия, несчастные случаи, умышленный или нечаянный негатив или злословие, дурной глаз, гнев богов, потусторонних сил, нечисти или покойников. Исходя из этого, для каждого соответствующего случая существуют свои формулы, направленные на конкретный вид ограждения.

К примеру, при допущении непристойных речей или грубых слов, даже случайных, за осетинским застольем весьма употребительны выражения «*Фынгыл баркад!*» «*Да будет за столом изобилие!*», «*Фынгей хатыр!*» «*Да простит мне стол (угощение)!*» (букв. «*Прости, стол*»), «*Табу фынджы фарнаен!*» «*Молюсь за благословенное обилие застолья!*» Оговорим, что слова «фарн», «бærкад», «фынг» и производные от них лексемы в осетинском языке не поддаются простому лексическому толкованию, поскольку больше являются этнографическими понятиями [3]. По этой причине хоть сколько-нибудь адекватный перевод, передающий всю глубину содержащихся смыслов, практически невозможен.

Формулы-обереги как ритуально-вербальные выражения известны многим этническим культурам, причем с характерными функционально-семантическими пересечениями. В частности, в русском языке мы

находим выражения *Не за хлебом-солью будет сказано!*, *Не слушай, хлеб-соль!* [5], схожие по значению и функциональной нагрузке с вышеприведенной семантической группой оберегов.

Взаимодействие этнических культур друг с другом являет собой процесс межкультурной коммуникации, который «проявляется в этнокультурной среде как двухсторонний адаптационный механизм, привносящий ряд изменений в развитие культур» [4]. В связи с этим вполне объяснимо появление новых контаминационных образований, также занимающих свое место в ряду остальных формул данной группы. Скажем, в активной речевой практике наблюдаются выражение *Не за столом будет сказано!* как производная, по нашему мнению, от *Не за хлебом-солью будет сказано!* и осетинское *Фынгыл бærкад!* Осмелимся предположить, что в условиях двуязычия произошло слияние схожих ценностных категорий двух культур, русской и осетинской, *фынг* и *хлеб-соль*, с наложением на русскоязычную синтаксическую конструкцию.

Схожими по функциональной семантике и структурному оформлению оказываются формулы *Не слушай, хороминка!*, *Не слушай, избушка-хороминка!*, *Не слушай, тепла избушка!* и осетинское *Фарн ацы хæдзары!* «*Да будет в этом доме благодать!*», *Фæрнæйдзаг уæд (ацы) хæдзар!* «*Пусть преисполнен будет (этот) дом благодати!*», употребляемые при упоминании кем-либо из присутствующих о нечистой силе или при произнесении непристойных слов. Более точно и ярко передается весь национальный колорит выражений всегда в контексте. Например: «Ланко и подкатился. «Тятя, ты видал голубую змейку?» Отец, хотя сильно выпивши был, даже отшатнулся, протрезвел и заклятие сделал: «Чур, чур! Не слушай, наша избушка-хороминка! Не тут слово сказано!» (П. Бажов. Голубая змейка) [1].

На то, что культурные соответствия и пересечения носят не случайный, а закономерный характер, указывают и другие формулы-обереги, направленные на ограждение от иных «опасностей». Так, при упоминании покойников в разговоре осетин непременно произнесет выражение *Мæрдты рухсаг уæд!* «Светлая (ему) память!», *Мæрдты сызгъæрин талатæ суадзæд!* «Пусть взойдут от него золотые побеги!», *Кæм ис, уым рухсаг уæд!* «Светлая ему память (да будет он светел) там, где он есть!», *Дзæнæты бадаед!* «Да пребудет он в раю!», что функционально семантически соответствует русским формулам *Мир*

ему!, Мир праху, костям покой!, Мир да покой и легкое лежание!, Царство Небесное, вечный покой, вечная память!, Земля (ему) пухом!, Упокой, Господи, душеньку, прими, земля, косточки! и другим формам.

Примечательно, что при недобром, но правдивом слове о покойном используется иная формула: *Мæрдты мæ ма схæрзæд!* «Да не застонет от меня (моих слов) на том свете!», *Рухсаг уæд, мацы бар мæм бадарæд!* «Светлая память, да не возымет он ничего ко мне!», *Ам фарны кæйттæ чындæ уæд!* «Произносимы будут тут благостные речи!», а в русской речевой культуре выражения *Не тем будь помянут!, Упокой его душу грешную!* Различия между вариантами формул при добром и недобром упоминании покойников весьма очевидны. Тем не менее позволим себе уточнить, что при добром упоминании формулы отчасти имеют оттенок доброго пожелания в адрес умершего, а при недобром – ограждения себя и обозначения своей непричастности к упоминаемым фактам. Исключительными в плане адресации оказываются выражения *Йе ʀцыдмæ дзæбæхæй фæцæр!* «Прожить тебе благополучно до его (покойника) пришествия!», *Цардаудæн дыл (ныл, йыл) кæнæд!* или *Хæрзаудæн дыл кæнæд!* «Пусть покровительствует он(она) тебе при жизни!», которые по сути совмещают функцию оберега и благопожелания, и направлены на говорящего. И все же во всех случаях они представляют собой акты вербальной ритуальности.

Выражение *Сæ сызгъæрин хъустæй нæм хъусæнт!* «Пусть своими золотыми ушами слушают нас!» произносятся, как правило, при упоминании о потусторонних силах или нечисти и преимущественно в темное время суток, то есть после захода солнца. В русском языке существует схожее по значению выражение *Не к ночи будь помянута!* и как вариант *Будь не к ночи помянута!*, или *Чур меня!*, *Чур наш аминь!*, *Чур на округу!*, *Чур-чура!* Эти формулы характеризуются как оборонительно-заклинательные оговорки при произнесении кем-либо дурного слова, упоминании нечистой силы [1].

На фоне уже рассмотренных нами ограждающих формул весьма обобщенно-философскими предстают выражения, использование которых характерно при разговорах о бедственных, несчастных случаях, чьей-либо несчастливой судьбе или мытарствах: *Фарн растæй хъусджыты!* «Благословен будет непричастный!», *Алкæмæн дæр йæ фыдбылыз йæхи уæнт!* «Пусть у каждого своя участь будет!» *Каждому свое!, В добрый час молвить, в худой промол-*

чать! В такого рода речевых ситуациях допускается даже употребление некоторых поговорочных выражений или проклятий. И здесь уже возникает возможность говорить о контекстной семантике и функциональной трансформации устойчивых выражений.

Стилистика рассматриваемых формул существенно отличается от остальных типов устойчивых выражений, поскольку, в отличие от последних, они, как правило, не направлены на создание образа, не нацелены на передачу какой-либо информации собеседнику и тем более на воздействие на него. Этим и объясняется ослабленная экспрессивная и когнитивная функции.

Необходимость вербального ограждения себя от потенциальной опасности возникает спонтанно на подсознательном уровне при восприятии соответствующей информации, поэтому синтаксически эти формулы оформляются как парантетические конструкции в речи самого говорящего или как ответные реплики в речи воспринимающей стороны.

Исходя из ментальности конкретного народа, его этнокультурных особенностей формулы одинаковой направленности в разных языках могут иметь различную эмоциональную тональность. Сравним, к примеру, уменьшительно-ласкательную форму *избушка-хороминка*, задающую располагающий нежный тон всему выражению *Не слушай, избушка-хороминка!*, и выражение аналогичной направленности в осетинском *Фарн ацы хæдзары!* Таким образом, можно сделать вывод, что в осетинской речевой культуре ограждающие формулы характеризуются в основном как ритуальные речевые акты, семантически пронизанные почитанием и благоговением к упоминаемым в них внешним силам, и лишены какой бы то ни было агрессивной направленности.

Сравнительные наблюдения показывают, что в русской речевой культуре, напротив, зачастую в формулах-оберегах заметна некоторая отчужденность, слегка ироничный настрой по отношению к апеллируемым силам или объектам.

Каждый случай использования рассматриваемых формул имеет разную прагматическую направленность, но всегда является результатом предельной степени внимания коммуникантов друг к другу и соучастия передаваемым событиям.

На основании проведенного анализа можно утверждать, что важность и значимость формул рассматриваемой группы безусловна и в большой степени отражает культурные представления и духовное

мировоззрение каждого народа, в частности осетин. Кроме того, активное употребление этих формул в современной повседневной речевой практике дает нам основание относить их к самостоятельным языковым единицам и закрепить за ними статус устойчивых выражений, обладающих рядом категориальных признаков, характеризующих фразеологизированные выражения: устойчивость, идиоматичность, цельнооформленность, нечленимость, мотивированность, воспроизводимость, образность (вторичная) и др.

Несмотря на ограниченное количество формул-оберегов по сравнению с общим массивом устойчивых выражений и речевых формул в осетинском языке, они занимают весьма важное место в коммуникативной практике. Наряду с теми особенностями, которыми обладают практически все речевые формулы в осетинском языке, формулы-обереги наделены рядом исключительных особенностей, позволяющих нам вычленять их в отдельную группу с присущими только им различного рода особенностями.

Список литературы

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – 2-е изд., доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
2. Баранов Д.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
3. Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин: Краткий словарь. – Владикавказ, 1994. – 284 с.

4. Шаваяева М.О. Этнокультура как многофункциональная система взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – 159 с.

5. Яранцев Р.И. Словарь справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1985. – 304 с.

References

1. Balakay A.G. *Slovar russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary Russian speech etiquette: 2nd ed., Additional] Moscow, AST-PRESS, 2001. 672 p.
2. Baranov D.N., Dobrovolskiy D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology] Moscow, Znak, 2008. 656 p.
3. Dzdziev A.B., Dzutsev H.V., Karaev S.M. *Etnoграфиya i mifologiya osetin. Kratkiyslovar* [Ethnography and mythology Ossetians. Concise Dictionary] Vladikavkaz. 1994. 284 p.
4. Shavaeva M.O. *Etнокultura kak mnogofunktsionalnaya sistema vzaimodeystviya* [Ethnic Culture as a multifunctional system interaction.] Rjstov-on-Don. 2004. 159 p.
5. Yarantsev R.I. *Slovar spravpchnik po russkoj frazeologii* [Reference Dictionary Russian phraseology] Moscow, «Russian language». 1985. 304 p.

Рецензенты:

Бесолова Е.Б., д.фил.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А», г. Владикавказ;

Фидарова Р.Я., д.фил.н., профессор, главный научный сотрудник, ФГБУН «Северо-Осетинский института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО – Алания», г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 15.07.2014.